

К тому же, у Мужун Чжи от природы характер был весьма серьёзным, и ко всему он имел обыкновение относиться всерьёз, поэтому Се Люй всякий раз, когда дразнил его, всегда получал те реакции, которые заставляли его от души смеяться, и в следующий раз ещё больше не мог удержаться, чтобы не придумать новый способ продолжить его дразнить.

Как, например, сейчас, когда тот, загнанный им в угол, весь покраснел, и губы его даже задрожали. Честно говоря, такой вид очень радует глаз.

— Кстати говоря, раньше А-Чжи не называл меня так: Се Люй, Се Люй. Почему же, после того как мы не виделись какое-то время, ты стал таким чопорным?

Сказав это, Се Люй с улыбкой повернулся к юноше в синем:

— Эй, старший ученик, хочешь узнать, как твой наставник раньше называл твоего милого шугунна?

— Кто... кто твой ученик!

— Твой наставник, он же раньше всегда называл меня, своего шугунна...

— Се Люй, ты... заткнись! Если ты... если не заткнёшься сейчас же, берегись, берегись, я и вправду..., — Мужун Чжи уже так разозлился, что даже не мог выговорить слова, рука, держащая Снежный Клинок, уже повернула лезвие поперёк, но, к сожалению, Се Люй совершенно не испугался.

— Твой наставник раньше называл меня, своего шугунна, Сяо Цзян! А иногда, когда был в хорошем настроении, даже Сяо Цзянтан! Ну как, сладко?

— Бум! — Перед глазами потемнело, и Се Люй наконец получил от Мужун Чжи удар кулаком, от которого врезался в столбик у изголовья кровати.

...

— Сяо... Цзянтан?

— ...

— Он?! Наставник, ваш вкус... фу, и впрямь слишком уж...

— Нет! Всё не так, А-Ли! То... в то время он был ещё маленьким, имя Цзянтан тоже дал ему тогдашний хозяин, это не я его придумал! Я тогда лишь изредка называл его Сяо Цзян. А вот имя Се Люй — это я, перелистав множество книг...

Едва очнувшись, Се Люй услышал, как Мужун Чжи со всей серьёзностью подробно объясняет эту совершенно неважную проблему.

— Да-да! До тринадцати лет у меня не было имени, хозяева всё звали меня Цзянтан. В то время вместе на хозяина работали ещё Сладкая дыня, Большая финик, Цзяоцзы, Пирожное с османтусом и целая куча других.

Были и более убогие: Огурец, Редька, Баклажан — тоже имелись.

Тогдашний хозяин, неизвестно почему, любил давать слугам в доме имена, связанные с едой. Но, в общем, эти дети либо были без отца и матери, либо были куплены со стороны, так что у

них изначально редко имелось настоящее имя.

— Позже твой наставник разыскал для меня, что моя родовая фамилия — Се, и дал мне иероглиф Люй — лад, гармония.

— Ё, великий генерал, однако, быстро засыпает и быстро просыпается. — Старший ученик А-Ли бросил на Се Люя презрительный взгляд.

Что за чушь? Снова осмелился проявить непочтение к своему шугунну?! Рано или поздно я с тобой разберусь, жди!

Се Люй не стал обращать на него внимания, а с улыбкой повернулся к Мужун Чжи:

— Ну, А-Чжи, кстати, сколько ещё осталось до времени еды? Внезапно почувствовал, что в животе немного пусто... Ах да, то самое, то самое, что стоит у тебя на столе — разве это не пирожное с османтусом?

— ...

— Как трогательно! Наш А-Чжи и вправду невероятно домовитый. Прошло столько времени, а ты всё помнишь, что твой муж больше всего любит пирожное с османтусом!

Мужун Чжи почувствовал, что его терпение почти достигло предела:

— Се Люй. Я уже говорил очень ясно: мой Дворец Внимающих Снегу не может вылечить твой яд гусу, и тем более не может спасти твою жизнь.

— Угу, я давно это знаю.

Се Люй кивнул и, ёжась, слез с кровати, потащив свои неудобные туфли, прыжками зомби направился напрямиком к пирожным с османтусом.

— Если ты с самого начала знал... то зачем ты вообще пришёл?

— М-м? — Как вкусно, как аппетитно.

— Десять лет не виделась, и ты внезапно возвращаешься, неужели просто по прихоти?! Какова твоя цель? Чего ты хочешь? Кто тебя прислал?

Эй, да кто ж меня прислал, я и вправду пришёл просто извиниться!

Но сейчас рот полон пирожного с османтусом, не могу говорить, подожди, пока проглочу.

Кхм, подавился, подавился! Воды! Воды!

— Жрёшь, жрёшь! Тьфу, вид у тебя за едой такой отвратительный, лучше бы подавился и сдох!

Се Люй нахмурился, боковым зрением скользнув рядом с Мужун Чжи, и, как и ожидал, поймал полный негодования взгляд старшего ученика. Неизвестно, что ему в голову взбрело, но, с трудом проглотив кусок пирожного с горячим чаем, он с предельно серьёзным видом сказал Мужун Чжи:

— Нет, А-Чжи, никакой другой цели нет.

— Нет?

— Угу, я просто по тебе соскучился, вот и всё!

Мужун Чжи замер, взгляд его поплыл, лицо побелело, и он опустил голову.

Как раз когда Се Люй подумал, что простодушный и добрый господин Дворца Внимающих Снегу снова поверил его ерунде, он увидел, как Мужун Чжи с ледяным лицом приоткрыл алые губы и сквозь стиснутые зубы просочилось одно слово.

— Катись.

Сказав это, он схватил Се Люя за воротник сзади и, как какой-то хлам, протащил живого великого генерала Чжэньюаня через пустые покои Дворца Внимающих Снегу, длинные коридоры, задний зал, передний зал и другие знакомые пейзажи, которых Се Люй не видел десять лет, и в конце швырнул генерала, по-прежнему крепко державшего блюдо с пирожными с османтусом, прямо у порога ярко-красных больших ворот.

По пути, кроме кучи слуг-зомби, они ещё встретили младшего ученика Дворца Внимающих Снегу — Е Пу.

Тому Е Пу на вид тоже было лет семнадцать-восемнадцать, кожа у него была смуглой, но черты лица — ещё более изящные и красивые, чем у старшего ученика А-Ли. Особенно пара лунных кошачьих глаз — прямо-таки красавец, рождённый ночью.

Казалось, он не был таким пугливым, как А-Ли, но, увидев, как Мужун Чжи с грозным видом тащит Се Люя наружу, тоже поспешил молча бросить собранные лекарственные травы и последовал за ними.

— Больно-больно-больно... — Се Люй одной рукой держал пирожное с османтусом, другой потирал ушибленную о холодный пол ягодицу:

— Эй-эй-эй? А-Чжи, ты что, выгоняешь меня? Но разве ты не говорил только что, что оставишь меня здесь навсегда, а после смерти ещё и сделаешь своим личным маленьким высушенным трупом?

— Катись! — На лбу Мужун Чжи обозначилась жилка, он пнул ногой одну из половинок дворцовых ворот рядом с ним.

За дверью с визгом носился снег и лёд, холодный ветер заставил Се Люя вздрогнуть.

— О, ну... если больше не о чем говорить, то я и вправду пойду...

Вот это да... Хотя весь этот визит и затевался с совершенно другими намерениями, но, похоже, Мужун Чжи в любом случае обрёл учеников, и у него есть компания, должно быть, живёт он неплохо?

Что касается того предательства в прошлом, хотя он и не простил явно, раз не убил и так великодушно позволил катиться, значит, в глубине души, скорее всего, уже отпустил.

Так что, должно быть, можно с этого момента не иметь больше привязанностей...

Се Люй только что ступил на порог, как вновь робко отпрянул назад.

— Это... очень холодно! Апчхи! Мо-можно попросить у вас одолжить тёплую ветронепроницаемую одежду? И ещё, хотя и довольно стыдно об этом говорить, но на самом деле я... похоже, с деньгами на дорогу тоже туго.

— ...

— А-Чжи, посмотри, мороз и вьюга, даже лисью накидку не дашь, твой муж точно замёрзнет насмерть на середине горы! К тому же, я и вправду немного проголодался, может, сначала оставишь меня поесть простой еды, а потом уж выгонишь? Я очень хочу жареного жирного гуся, тушёную свиную рульку в кисло-сладком соусе тоже неплохо, а если бы ещё можно было поджарить луффу, приготовить на пару сахарные пампушки...

— Этот... я очень хочу жареного жирного гуся, тушёную свиную рульку в кисло-сладком соусе тоже неплохо, а если бы ещё можно было поджарить луффу, приготовить на пару сахарные пампушки...

— Ты вообще уйдёшь или нет?

— ...а можно сначала жареного гуся, а потом уйти?

— Да что тебе надо?! — Мужун Чжи схватил Се Люя, стиснув зубы, прижал его к другой, не открытой половине холодных дворцовых ворот.

— Ну, раз уж уйти — смерть, не уйти — тоже смерть... — Се Люй весьма серьёзно взвесил этот вопрос:

— По сравнению с замерзанием, остаться здесь и жить за чужой счёт, кажется, позволит умереть медленнее?

Рядом дворцовые ворота с грохотом захлопнулись.

— Хорошо, тогда позволь мне своими глазами увидеть, как в ближайшие месяцы в моём Дворце Внимающих Снегу тебя будет пожирать яд гусу, и ты умрёшь с прогнившими кишками!

— А-а-а! — В ушах раздался полный негодования вопль А-Ли:

— Наставник, не надо, наставник, подумайте хорошенько — отпустите его! Зачем такого вообще оставлять! Девять месяцев — это ведь слишком долго!

— Неважно, доживёт ли он до девяти месяцев, ещё неизвестно! Мне нужно только его тело, остальное не волнует!

— Наставник! Если сейчас убить его, разве не будет тела?!

— А-Ли, в нашем Дворце Внимающих Снегу превыше всего практика очищения, нельзя по своей воле лишать жизни.

— Наставник...

Се Люй молча взял ещё одно пирожное с османтусом и положил в рот. Потер ягодицы и заковылял вслед за тремя идущими впереди учителем и учениками.